

Синюшкин колодец

Жил в нашем заводе парень Илья. Вовсе бобылем остался – всю родню схоронил. И от всех ему наследство досталось.

От отца – руки да плечи, от матери; – зубы да речи, от деда Игната – кайла да лопата, от бабки Лукерьи – особый поминонок. Об этом и разговор сперва.

Она, видишь, эта бабка, хитрая была – по улицам перья собирала, подушку внучку готовила, да не успела. Как пришло время умирать, позвала бабка Лукерья внука и говорит:

– Гляди-ка, друг Илюшенька, сколь твоя бабка пера накопила! Чуть не полное решето! Да и перышки какие! Одно к одному – мелконькие да пестренькие, глядеть любо! Прими в поминонок – пригодится! Как женишься да принесет жена подушку, тебе и не зазорно будет: не в диковинку-де мне – свои перышки есть, еще от бабки остались. Только ты за этим не гонись, за подушкой-то! Принесет – ладно, не принесет – не тужи. Ходи веселенько, работай крутенько, и на солодке не худо поспишь, сладкий сон увидишь. Как худых думок в полове держать не станешь, так и все у тебя ладно пойдет, гладко покатится. И белый день взвеселит, и темна ноченька приголубит, и красное солнышко обрадует. Ну, а худые думки заведешь, тут хоть в пень головой – все немило станет.

– Про какие, – спрашивает Илья, – ты, бабушка, худые думки сказываешь?

– А это, – отвечает, – про деньги да про богатство. Хуже их нету. Человеку от таких думок одно расстройство да маета напрасная. Чисто да по совести и пера на подушку не наскрести, не то что богатство получить.

– Как же тогда, – спрашивает Илья, – про земельное богатство понимать? Неужни за что считаешь? Бывает ведь...

– Бывать-то бывает, только ненадежно дело: комочками приходит, пылью уходит, на человека тоску наводит. Про это и не думай, себя не беспокой! Из земельного богатства, сказывают, одно чисто да крепко. Это когда бабка Синюшка красной девкой обернется да сама своими рученьками человеку подаст. А дает Синюшка богатство гораздому да удалому, да простой душе. Больше никому. Вот ты и попомни, друг Илюшенька, этот мой последний наказ.

Поклонился тут Илья бабке: ‘

– Спасибо тебе, бабка Лукерья, за перья, а пуще всего за наставленье. Век его

не забуду.

Вскорости умерла бабка... Остался Илюха один-одинешенек, сам большой, сам маленький. Тут, конечно, похоронные старушонки набежали, покойницу обмыть, обрядить, на погост проводить. Они – эти старушонки – тоже не от сладкого житья по покойникам бегают. Одно выпрашивают, другое выглядывают. Живо все бабкино обзаведенье по рукам расхватили. Воротился Илья с могильника, а в избе у него голым-гоlexонько. Только то и есть, что сам сейчас на спицу повесил: зипун да шапка. Кто-то и бабкиным пером покорыстовался: начисто выгреб из решета. Только три перышка в решете зацепились. Одно беленькое, одно черненькое, одно рыженькое.

Пожалел Илья, что не уберег бабкин поминонок.

“Надо, – думает, – хоть эти перышки к месту прибрать, а то нехорошо как-то. Бабка от всей души старалась, а мне будто и дела нет”.

Подобрал с полу каку-то синюю ниточку, перевязал эти перышки натуго да и пристроил себе на шапку.

“Тут, – думает, – самое им место. Как надевать либо снимать шапку, так и вспомнишь бабкин наказ. А он, видать, для жизни полезный. Всегда его в памяти держать надо”.

Надел потом шапку да зипун и пошел на прииск. Избушку свою и запирать не стал, потому в ней – ничем-ничего. Одно пустое решето, да и то с дороги никто не подберет.

Илья возрастной парень был, давно в женихах считался. На прииске-то он годов шесть либо семь робил. Тогда ведь, при крепости-то, с малолетства людей на работу загоняли. До женитьбы иной, глядишь, больше десятка годов уж на барина отхлещет. И этот Илья, прямо сказать, вырос на прииске.

Места тут он знал вдоль и поперек. Дорога на прииск не близкая. На Гремихе, сказывают, тогда добывали чуть не у Белого камня. Вот Илюха и придумал:

“Пойду-ка я через Зюзельско болотце. Вишь, жарынь какая стоит. Подсохло, поди, оно, – пустит перебраться. Глядишь, и выгадаю версты три, а то и все четыре...”

Сказано – сделано. Пошел Илья лесом напрямую, как по осеням с прииска и на прииск бегали. Сперва ходко шел, потом намаялся и с пути сбился. По кочкам-то ведь не по прямой дороге. Тебе надо туда, а кочки ведут вовсе не в ту сторону. Скакал-скакал, до поту насккался. Ну, выбрался в какой-то ложок. Посредине

место пониже. Тут трава растет – горчик Да метлика. А с боков взгорочки, а на них сосна жаровая. Вовсе, значит, сухое место пошло. Одно плохо – не знает Илья, куда дальше идти. Сколько раз по этим местам бывал, а такого ложочка не видывал.

Вот Илья и пошел серединой, меж взгорочков-то. Шел-шел, видит – на полянке окошко круглое, а в нем вода, как в ключе, только дна не видно. Вода будто чистая, только сверху синенькой тенеткой подернулась и посредине паучок сидит, тоже синий.

Илюха обрадовался воде, отпахнул рукой тенетку и хотел напиться. Тут у него голову и обнесло, – чуть в воду не сунулся и сразу спать захотел.

“Вишь, – думает, – как притомило меня болото. Отдохнуть, видно, надо часок”.

Хотел на ноги подняться, а не может. Отполз все ж таки сажени две ко взгорочку, шапку под голову да и растянулся. Глядит, – а из того водяного окошка старушонка вышла. Ростом не больше трех четвертей. Платьишко на ней синее, платок на голове синий и сама вся синехонька, да такая тощая, что вот подует ветерок – и разнесет старушонку. Однако глаза у ней молодые, синие, да такие большие, будто им тут вовсе и не место.

Уставилась старушонка на парня и руки к нему протянула, а руки всё растут да растут. Того и гляди, до головы парню дотянутся. Руки ровно жиденькие, как туман синий, силы в них не видно, и когтей нет, а страшно. Хотел Илья подальше отползти, да силы вовсе не стало.

“Дай, – думает, – отвернусь, – все не так страшно”.

Отвернулся да носом-то как раз в перышки и ткнулся. Тут на Илью почихота нашла. Чихал-чихал, кровь носом пошла, а все конца-краю нет. Только чует – голове-то много легче стало. Подхватил тут Илья шапку и на ноги поднялся. Видит – стоит старушонка на том же месте, от злости трясется. Руки у нее до ног Илье дотянулись, а выше-то от земли поднять их не может. Смекнул Илья, что у старухи оплошка вышла – сила не берет, прочихался, высморкался да и говорит с усмешкой:

– Что, взяла, старая? Не по тебе, видно, кусок!

Плюнул ей на руки-то да и пошел дальше. Старушонка тут и заговорила, да звонко так, вовсе по-молодому:

– Погоди, не радуйся! Другой раз придешь – головы не унесешь!

– А я и не приду, – отвечает Илья.

– Ага! Испугался, испугался! – зарадовалась старушонка.

Илюхе это за обиду показалось. Остановился он да и говорит:

– Коли на то пошло, так нарочно приду – воды из твоего колодца вычерпнуть.

Старушонка засмеялась и давай подзадоривать парня:

– Хвастун ты, хвастун! Говорил бы спасибо своей бабке Лукерье, что ноги унес, а он еще похваляется! Да не родился еще такой человек, чтоб из здешнего колодца воду добыть.

– А вот поглядим, родился ли, не родился, – отвечает Илья.

Старушонка, знай, свое твердит:

– Пустомеля ты, пустомеля! Тебе ли воду добыть, коли подойти боишься. Пустые твои слова! Разве других людей приведешь. Посмелее себя!

– Этого, – кричит Илья, – от меня не дождешься, чтоб я стал других людей тебе подводить. Слыхал, поди-ка, какая ты вредная и чем людей обманываешь.

Старушонка одно заладила:

– Не придешь, не придешь! Где тебе! Такому-то!

Тогда Илья и говорит:

– Ладно, нето. Как в воскресный день ветер хороший случится, так и жди в гости.

– Ветер тебе на что? – спрашивает старушонка.

– Там видно будет, – отвечает Илья. – Ты только плевков-от с руки смой. Не забудь, смотри!

– Тебе, – кричит старушонка, – не все равно, какой рукой тебя на дно потяну? Хоть ты, вижу, и гораздый, а все едино мой будешь. На ветер да бабкины перья не надейся! Не помогут!

Ну, поругались так-то. Пошел Илья дальше, сайм дорогу примечает и про себя думает:

“Вот она какая, бабка Синюшка. Ровно еле живая, а глаза девичьи, погибельные,

и голос, как у молоденькой, – так и звенит. Поглядел бы, как она красной девкой оборачивается”.

Про Синюшку Илья много слышал. На прииске не раз об этом говаривали. Вот, дескать, по глухим болотным местам, а то и по старым шахтам набегали люди на Синюшку. Где она сидит, тут и богатство положено. Сживи Синюшку с места – и откроется полный колодец золота да дорогих камней. Тогда гребни, сколь рука взяла. Многие будто ходили искать да либо ни с чем воротились, либо с концом загнули.

К вечеру выбрался Илюха на прииск. Смотритель приисковский напустился, конечно, на Илюху:

– Что долго?

Илья объяснил – так и так, бабку Лукерью хоронил. Смотрителю маленько стыдно стало, а все нашел придирку:

– Что это у тебя за перья на шапке? С какой радости нацепил?

– Это, – отвечает Илья, – бабкино наследство. Для памяти его тут пристроил.

Смотритель да и другие, кто близко случился, давай смеяться над таким наследством, а Илья говорит:

– Да, может, я эти перья на весь господский прииск не променяю. Потому – не простые они, а наговоренные. Белое вот – на веселый день, черное – на спокойную ночь, а рыженькое – на красное солнышко.

Шутит, конечно. Только тут парень был – Кузька Двоерылко. Он Илюхе-то ровесником приходился, в одном месяце именинниками были, а по всем статьям на Илюху не походил. Он, этот Двоерылко, вовсе со справного двора. По-доброму, такому парню и мимо прииска ходить не надо – полегче бы работа дома нашлась. Ну, Кузька давно около золота околачивался, свое смышлял, – не попадет ли штучка хорошая, а унести ее сумею. И верно, насчет того, чтобы чужое в свой карман прибрать, Двоерылко мастак был. Чуть кто недоглядел, – Двоерылко уже унес, и найти не могут. Одним словом, ворина. По этому ремеслу у него и записка была. Его, вишь, один старатель лопаткой черкнул. Скользом пришлось, а все же зарубка на память осталась – нос да губы пополам развалило. По этой приметке Кузьку и величали Двоерылком.

Этот Кузька крепко завидовал Илюхе. Тот, видишь, парень ядреный да могутный, крутой да веселый, – работа у него и шла податно. Кончил работу – поел да песню запел, а то и в пляс пошел. На артелке ведь и это бывает. Против

такого парня где же равняться Двоерылому, коли у него ни силы, ни охоты, да и на уме вовсе другое. Только Кузька по-своему об этом понимал:

“Не иначе, знает Илюшка какую-то словинку, – то он и удачливый, и по работе ему устатка нет”.

Как про перышки-то Илья сказал, Кузька и смекнул про себя: “Вот она – Илюшкина словинка”.

Ну, известно, в ту же ночь и украл эти перышки.

На другой день хватился Илья – где перышки? Думает, обронил. Давай искать по прииску-то. Над Ильей подсмеиваться стали:

– Ты в уме ли, парень! Столько ног тут топчется, а ты какие-то махонькие перышки ищешь! В пыль, поди, их стоптали. Да и на что они тебе?

– Как, – отвечает, – на что, коли это бабкина памятка?

– Памятку, – говорят, – надо в крепком месте либо в голове держать, а не на шапке таскать.

Илья и думает – правду говорят, – и перестал те перышки искать. Того ему и на мысли не пало, что они худыми руками взяты.

У Кузьки своя забота – за Илюхой доглядывать, как у него теперь дело пойдет, без бабкиных перышек. Вот и узрил, что Илья ковш старательский взял да к лесу пошел. Двоерылко за Ильей – думает, не смывку ли где наладил. Ну, никакой смывки не оказалось, а стал Илья тот ковш на жердинку насаживать. Сажени четыре жердинка. Вовсе для смывки несподручно К чему бы это? Еще пуще Кузька насторожился.

Дело-то к осени пошло, крепко подувать стало. В субботу, как рабочих с прииска домой отпускали, Илья тоже домой запросился. Смотритель сперва покочевряжился – ты, дескать, недавно ходил, да и незачем тебе – семейства нет, а хозяйство свое – перышки-то – на прииске потерял. Ну, отпустил. А Кузька разве такой случай пропустит? Он спозаранку к тому месту пробрался, где ковш на жердинке припрятан был. Долго Кузьке ждать-то пришлось, да ведь воровская сноровка известна. Не нами сказано – вор собаку переждет, не то что хозяина. На утре подошел Илья, достал ковш да и говорит:

– Эх, перышек-то нету! А ветер добрый. С утра так свистит, – к полдню вовсе разгуляется.

Впрямь, ветер такой, что в лесу стон стоит. Пошел Илья по своим приметкам, а Двоерылко за ним крадется да радуется:

“Вот они, перышки-то! К богатству, знать-то, дорожку кажут!”

Долгонько пришлось Илье по приметам-то пробираться, а ветер все тише да тише. Как на ложок выйти, так и вовсе тихо стало, – ни одна веточка не пошевелинется. Глядит Илья – старушонка у колодца стоит, дожидается и звонко так кричит:

– Вояка пришел! Бабкины перья потерял и на ветре прогадал. Что теперь делать-то станешь? Бегико домой да ветра жди! Может, и дождешься!

Сама в сторонке стоит, к Илье рук не тянет, а над колодцем туман, как шапка синяя, густым-густехонько. Илья разбежался да со взгорочка ковшом-то на жердинке прямо в ту синюю шапку и сунул да еще кричит:

– Ну-ко, ты, убогая, поберегись! Не зашибить бы ненароком.

Зачерпнул из колодца и чует – тяжело. Еле выволок. Старушонка смеется, молодые зубы кажет.

– Погляжу я, погляжу, как ты ковш до себя дотянешь. Много ли моей водицы испить доведется!

Задорит, значит, парня. Илья видит – верно, тяжело, – вовсе озлился.

– Пей, – кричит, – сама!

Усилился, поднял маленько ковшик да и норовит опрокинуть на струшонку. Та отодвинулась. Илья за ней. Она дальше. Тут жердинка и переломилась и вода разлилась. Старушонка опять смеется:

– Ты бы ковшик-то на бревно насадил... Надежнее бы!

Илья в ответ грозит:

– погоди, убогая! Искупаю еще!

Тут старушонка и говорит:

– Ну ладно. Побаловали – и хватит. Вижу, что ты парень гораздый да удалый. Приходи в месячную ночь, когда вздумаешь. Всяких богатств тебе покажу. Бери, сколько унесешь. Если меня сверху не случится, скажись: “Без ковша пришел”, – и все тебе будет.

– Мне, – отвечает Илья, – и на то охота поглядеть, как ты красной девкой обращаешься.

– По делу видно будет, – усмехнулась старушонка, опять молодые зубы показала.

Двоерылко все это до капельки видел и до слова слышал.

“Надо, – думает, – поскорее на прииск бежать да кошели наготовлять. Как бы только Илюшка меня не опередил!”

Убежал Двоерылко. А Илья взгорочком к дому пошел. Перебрался по кочкам через болотце, домой пришел, а там одна новость – бабкиного решета не стало.

Подивился Илья – кому такое понадобилось?

Сходил к своим заводским дружкам, поговорил с тем, с другим и обратно на прииск пошел, только не через болото, а дорогой, как все ходили.

Прошло так дней пяток, а случай тот у Илюхи из головы не выходит – на работе помнится и сну мешать стал. Нет-нет и увидит он те синие глаза, а то и голос звонкий услышит:

“Приходи в месячную ночь, когда вздумаешь”.

Вот Илюха и порешил:

“Схожу. Погляжу хоть, какое богатство бывает. Может, и сама она мне красной девкой покажется”.

В ту пору как раз молодой месяц родился, ночи посветлее стали. Вдруг на приiske разговор – Двоерылко потерялся. Сбегали на завод – нету. Смотритель велел по лесу искать – тоже не оказалось. И то сказать, искали – не надсажались. Всяк про себя думал: “От того убытку нет, коли вор потерялся”. На том и кончилось.

Как месяц на полный кружок обозначился, Илюха и пошел. Добрался до места. Глядит – никого нет. Илья все же со взгорочка не спустился и тихонько молвил:

– Без ковша пришел.

Только сказал, сейчас старушонка объявилась ласково говорит:

– Милости просим, гостенек дорогой! Давно поджидаю. Подходи да бери, сколько унесешь.

Сама руками-то как крышку над колодцем подняла, а там и открылось богатства всякого. Доверху набито. Илье любопытно на такое богатство поглядеть, а со взгорочка не спускается. Старушонка поторапливать стала:

– Ну, чего стоишь? Бери, говорю, сколько в кошель уйдет.

– Кошеля-то, – отвечает, – у меня нету, да и от бабки Лукерьи я другое слыхал. Будто только то богатство чисто да крепко, какое ты сама человеку подашь.

– Вишь ты, привередник какой! Ему еще подноси! Ну, будь по-твоему!

Как сказала это старушонка, так из колодца синий столб выметнуло. И выходит из этого столба девица-красавица, как царица снаряжена, а ростом до половины доброй сосны. В руках у этой девицы золотой поднос, а на нем груда всякого богатства. Песок золотой, каменья дорогие, самородки чуть не по ковриге. Подходит эта девица к Илюхе и с поклоном подает ему поднос:

– Прими-ко, молодец!

Илья на приiske вырос, в золотовеске тоже бывал, знал, как его – золото-то – весят. Посмотрел на поднос и говорит старушонке:

– Для смеху это придумано. Ни одному человеку не в силу столько поднять.

– Не возьмешь? – спрашивает старушонка.

– И не подумаю, – отвечает Илья.

– Ну, будь по-твоему! Другой подарок дам, – говорит старушонка.

И сейчас же той девицы – с золотым-то подносом – не стало. Из колодца опять синий столб выметнуло. Вышла другая девица. Ростом поменьше. Также красавица и наряжена по-купецки. В руках у этой девицы серебряный поднос, на нем груда богатства. Илья и от этого подноса отказался, говорит старушонке:

– Не в силу человеку столько поднять, да и не своими руками ты подаешь.

Тут старушонка вовсе по-девичьи рассмеялась.

– Ладно, будь по-твоему! Тебя и себя потешу. Потом, чур, не жалеть. Ну, жди.

Сказала, и сразу не стало ни той девицы с серебряным подносом, ни самой старушонки. Стоял-стоял Илюха – никого нет. Надоело уж ему ждать-то, тут сбоку и зашуршала трава. Поворотился Илюха в ту сторону. Видит – девчонка подходит. Простая девчонка, в обыкновенный человеческий рост. Годов так восемнадцати. Платишко на ней синее, платок на голове синий, и на ногах бареточки синие. А пригожая эта девчонка – и сказать нельзя. Глаза – звездой, брови – дугой, губы – малина, и руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в косе лента синяя. Подошла девчонка к Илюхе и говорит:

– Прими-ка, мил друг Илюшенька, подарочек от чистого сердца.

И подает ему своими белыми рученьками старое бабки Лукерьи решето с ягодами. Тут тебе и земляника, тут тебе и княженика, и желтая морошка, и черная смородина с голубикой. Ну, всяких сортов ягода. Полнехонько решето. А сверху три перышка. Одно беленькое, одно черненькое, одно рыженькое, натуго синей ниточкой перевязаны.

Принял Илюха решето, а сам как дурак стоит, никак домекнуть не может, откуда эта девчонка появилась, где она осенью всяких ягод набрала. Вот и спрашивает:

– Ты чья, красна девица? Скажись, как тебя звать-величать?

Девчонка усмехнулась и говорит:

– Бабкой Синюшкой люди зовут, а гораздому да удалому, да простой душе и такой кажусь, какой видишь. Редко только так-то бывает.

Тогда уж Илюха понял, с кем разговор ведет, и спрашивает:

– Перышки-то у тебя откуда?

– Да вот, – отвечает, – Двоерылко за богатством приходил. Сам в колодец угодил и кошели свои утопил, а твои-то перышки выплыли. Простой, видно, ты души парень.

Дальше Илья и не знает, о чем говорить. И она стоит, молчит, ленту в косе перебирает. Потом промолвила:

– Так-то, мил друг Илюшенька! Синюшка я. Всегда старая, всегда молодая. К

здешним богатствам навеки; приставлена.

Тут помолчала маленько да спрашивает:

– Ну, нагяделся? Хватит, поди, а то как бы во сне не привиделась.

И сама вздохнула, как ножом по сердцу парня полыснула. Все бы отдал, лишь бы она настоящая живая девчонка стала, а ее и вовсе нет.

Долго еще стоял Илья. Синий туман из колодца по всему ложочку пополз, тогда только стал к дому пробираться. На свету уж пришел. Только заходит в избу, а решето с ягодами и потяжелело, дно оборвалось, и на пол самородки да дорогие каменья посыпались.

С таким-то богатством Илья сразу от барина откупился, на волю вышел, дом себе хороший справил, лошадь завел, а вот жениться никак не может. Все та девчонка из памяти не выходит. Сна-покою из-за этого решился. И бабки Лукерьи перышки не помогают. Не один раз говаривал:

– Эх, бабка Лукерья, бабка Лукерья! Научила ты, как Синюшкино богатство добыть, а как тоску избыть – не сказала. Видно, сама не знала.

Маялся-маялся так-то и надумал:

“Лучше в тот колодец нырнуть, чем такую муку переносить”.

Пошел к Зюзельскому болотцу, а бабкины перышки все же с собой захватил. Тогда ягодная пора пришлась. Землянику таскать стали.

Только подошел Илья к лесу, навстречу ему девичья артелка. Человек с десятка, с полными корзинками. Одна девчонка на отшибе идет, годов так восемнадцати. Платишко на ней синее, платок на голове синий. А пригожая – сказать нельзя. Брови – дугой, глаза – звездой, губы – малина, руса коса трубчатая через плечо перекинута, а в ней лента синяя. Ну, вылитая та. Одна приметочка разнится: на той баретки синие были, а эта вовсе босиком.

Остолбенел Илья. Глядит на девчонку, и она синими-то глазами зырк да зырк и усмехается – зубы кажет. Прочухался маленько Илюха и говорит:

– Как это я тебя никогда не видал?

– Вот, – отвечает, – и погляди, коли охота. На это я проста – копейки не возьму.

– Где, – спрашивает, – ты живешь?

– Ступай, – говорит, – прямо, повороти направо. Тут будет пень большой. Ты разбегись да треснишь башкой. Как искры из глаз посыплются – тут меня и увидишь...

Ну, зубоскальничает, конечно, как по девичьему обряду ведется. Потом сказалась – чья такая, по которой улице живет и как зовут.

Все честь честью. А сама глазами так и тянет, так и тянет.

С этой девчонкой Илюха и свою долю нашел. Только ненадолго. Она, вишь, из мраморских была. То ее Илюха и не видал раньше-то. Ну, а про мраморских дело известное. Краше тамошних девок по нашему краю нет, а женись на такой – овдоеешь. С малых лет около камню бьются – чахотка у них.

Илюха и сам долго не зажился. Наглotalся, может, от этой да и от той нездоровья-то. А по Зюзельке вскорости большой прииск открыли.

Илюха, видишь, не потаил, где богатство взял. Ну, рыться по тем местам стали да и натакались по Зюзельке на богатое золото.

На моих еще памятях тут хорошо добывали. А колодца того так и не нашли. Туман синий, – тот и посейчас на тех местах держится, богатство кажет.

Мы ведь что! Сверху поковыряли маленько, копни-ко поглубже... Глубокий, сказывают, тот Синюшкин колодец. Страсть глубокий. Еще добытчиков ждет.